К 100-ЛЕТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
TO THE CENTENNIAL OF THE RUSSIAN ACADEMIC ARCHAEOLOGY

**Древности Восточной Европы,
Центральной Азии и Южной Сибири
в контексте связей и взаимодействий
в евразийском культурном пространстве
(новые данные и концепции)**

**Antiquities of East Europe, South Asia
and South Siberia in the context
of connections and interactions within
the Eurasian cultural space
(new data and concepts)**

**II. СВЯЗИ, КОНТАКТЫ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР
СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ ВОСТОКА
В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА (IV–I ТЫС. ДО Н. Э.)**

**CONNECTIONS, CONTACTS AND INTERACTIONS BETWEEN ANCIENT
CULTURES OF NORTHERN EURASIA AND CIVILIZATIONS OF THE EAST
DURING THE PALAEOMETAL PERIOD (4TH–1ST MIL. BC)**

*Организация конференции и издание материалов проведены
при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 19-09-20008*

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

*Редакционная коллегия тома II: А. В. Поляков, Е. С. Ткач (отв. редакторы), М. Т. Кашуба,
Л. Б. Кирчо, Е. А. Черлёнок, В. Я. Стёганцева, А. И. Климушина*

Рецензенты: д. и. н. Л. Б. Вишняцкий, д. и. н. А. А. Выборнов

*Программный комитет конференции: академик РАН, д. и. н., проф. М. Б. Пиотровский
(Государственный Эрмитаж, почетный председатель); д. и. н. В. А. Лапшин (ИИМК РАН,
председатель); д. и. н. А. В. Головнёв (МАЭ РАН, сопредседатель); д. и. н. В. А. Дергачёв
(Высшая антропологическая школа, Молдова, сопредседатель); д. и. н. И. Ф. Попова
(ИВР РАН, сопредседатель); академик АН Республики Узбекистан, д. и. н., проф. Э. В. Ртвеладзе
(сопредседатель); к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, зам. председателя); к. и. н. В. А. Алёшкин
(ИИМК РАН, зам. председателя); д. и. н. Ю. Е. Берёзкин (МАЭ РАН); Dr., Prof. Н. Бороффка
(Германский археологический институт, Германия); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН);
Dr. Э. Кайзер (Свободный университет Берлина, Германия); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН);
д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); к. и. н. А. В. Кияшко (Южный федеральный университет);
к. и. н. П. Ф. Кузнецов (СГСПУ); к. и. н. Н. М. Малов (СНИГУ); к. и. н. В. П. Никоноров
(ИИМК РАН); Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); д. и. н., проф. Д. Г. Савинов
(Институт истории СПбГУ); к. и. н. В. Н. Седых (Институт истории СПбГУ);
к. и. н. Н. Н. Скакун (ИИМК РАН); к. и. н. Н. Ф. Соловьёва (ИИМК РАН); к. и. н. А. И. Торгоев
(Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)*

*Организационный комитет конференции: к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, председатель);
к. и. н. В. А. Алёшкин (ИИМК РАН, зам. председателя); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН);
к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН);
А. И. Климушина (ИИМК РАН, отв. секретарь); к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН);
Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); В. Я. Стеганцева (ИИМК РАН);
В. В. Терёхина (ИИМК РАН, МАЭ РАН, отв. секретарь); к. и. н. Е. С. Ткач (ИИМК РАН);
И. Ж. Тутаева (Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)*

**Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей
и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции):
Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург.
Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций
Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося
археолога В. С. Бочкарёва. — СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. — 287 с.**

ISBN 978-5-907053-35-9

DOI 10.31600/978-5-907053-35-9

by large lengths of tubular bones. This feature can probably be hereditary from the population of the Pit-grave culture of the Early Bronze Age. The average osteometric indicators of the Srubnaya sampling of the Ural-Volga region are somewhat inferior to those of the skeletons of the pit culture, but they are larger than the people of the Catacomb culture of the middle stage of the Bronze Age.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ИЗ РАСКОПОК КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ В САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

В. В. Кондрашин*, Н. В. Иванова*, А. А. Шалапинин*, В. А. Цибин**, Д. В. Кормилицын**, В. Н. Шигаев**

*ООО «ГЕФЕСТ», Самара, Россия; ** «Агентство по сохранению историко-культурного наследия Самарской области», Самара, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-35-9-254-257

Ключевые слова: поздний бронзовый век, срубная культура, курганный могильник, курган, Поволжье.

В ходе спасательных раскопок в 2015–2018 гг. в Самарском Поволжье отрядами ООО «ГЕФЕСТ» и ГБУК «Наследие» было изучено 12 курганов могильников Михайловский II, Красносамарский IV, Борма II, Светлое Поле II, Безенчук VI и одиночный курган Новокиевский II (рис. 1, I). Выявлено 179 погребений, относящихся к срубной культурной общности (в том числе к «покровскому» типу).

Формат тезисов позволяет лишь кратко остановиться на основных характеристиках исследованных курганов, в частности, на планиграфии внутрикурганного пространства (рис. 1, II), общих моментах погребального обряда и облика инвентаря (рис. 1, III, IV).

Планиграфия внутрикурганного пространства. Среди курганов указанных памятников можно выделить две разновидности: с единичными захоронениями («индивидуальные») и курганы с большим количеством погребений («курганы-кладбища»). К первой относятся оба кургана могильника Светлое Поле и кург. 1 Михайловского II могильника. Все прочие курганы под насыпью содержали от шести (Борма II, кург. 6) до 39 (Красносамарский IV, кург. 4) погребений. В планиграфии внутреннего пространства всех курганов, за исключением кург. 4 могильника Красносамарский IV, прослеживается центрическая система в разных ее вариациях. Выделяются две группы: 1) с центральным погребением и 2) без центрального погребения. Обе группы, в свою очередь, представлены: а) кольцевым расположением могил, б) расположением по дуге, а также сочетанием кольца и дуги (дуг). В большинстве курганов с большим количеством погребений, наряду с кольцевыми и дуговидными скоплениями могил присутствуют единичные погребения или их группы, располагавшиеся на периферии подкурганного пространства, чаще всего в южных секторах кургана.

Поза и ориентировка погребенных в целом типична для срубной культуры: скорченно на левом боку, степень скорченности — слабая/средняя. Кисти рук чаще всего расположены возле лица. Погребенные в сильно скорченном положении преобладали в кург. 1 могильника Безенчук VI и в одиночном кургане Новокиевский II. В остальных могильниках

Рис. 1. Материалы позднего бронзового века в Самарском Поволжье:

I — карта-схема расположения могильников; II — внутрикурганная планировка; III — распределение ориентировок погребенных по странам света; IV — материалы из погребений: 1 — Светлое Поле II, кург. 1, погр. 1, 2–3 — Михайловский II, кург. 3, погр. 9, 4–5 — Новокиевский II, погр. 6; 6–7 — Борма II, кург. 6, погр. 1; 8–9 — Безенчук VI, кург. 1, погр. 26; 10–11 — Красносамарский IV, кург. 1, погр. 5 (1 — бронза; 2, 4, 7, 8, 10 — планы погребений; 3, 5, 9 — керамика; 6 — кость; 11 — камень)

они составляли меньшинство или даже редкие исключения. Также исключениями являлись одиночные погребения, в которых покойные лежали на правом боку. Оба таких погребения были выявлены в Красносамарском IV (кург. 1, погр. 2; кург. 3, погр. 15).

В двойных погребениях покойные в двух случаях были обращены лицом друг к другу (Михайловский II, кург. 3, погр. 9 и кург. 7, погр. 1), в четырех — расположены один за другим, оба на левом боку (Борма II, кург. 4, погр. 1; Красносамарский IV, кург. 4, погр. 7 и 10; Безенчук VI, кург. 1, погр. 9). К типу двойного отнесено и биритуальное погр. 10 кург. 1 могильника Безенчук VI. Этот единственный курган содержал погребения и по способу кремации.

В ориентировке погребенных по сторонам света отчетливо преобладали северные сектора, хотя зафиксирован широкий диапазон, включающий все сектора, за исключением ЮЮВ, Ю и ЮЮЗ. Нередко выделялись два кластера: «северо-восточный» (количественно преобладающий) и «северо-западный».

Погребальный инвентарь. Наряду с керамическими сосудами — от 1 до 3 экз. в погребении (чаще — 2 экз.), бронзовыми височными подвесками, желобчатыми браслетами, пастовыми бусинами и бисером, инвентарь погребений включал ожерелья из клыков хищников (лиса, собака) (Михайловский II), каменное (жадеит?) булавовидное навершие (Красносамарский IV), бронзовый нож (Светлое Поле II), костяной орнаментированный наконечник стрелы и бронзовую иглу (Борма II).

Особое внимание антропологов привлек обнаруженный в скелетах Михайловского II могильника штамм чумы — наиболее древний из известных в настоящее время (Spyrou et al. 2018).

Представленные памятники являются по сути вариантом случайной выборки из огромной совокупности исследованных за многие годы курганных могильников эпохи поздней бронзы Самарского Поволжья. Однако их материалы демонстрируют основные тенденции в общей картине погребальных комплексов, сосредоточенных на границе степной и лесостепной зон Заволжья (Крамарев 2008; 2015).

Литература

Крамарев А. И. 2008. Планировка могильников (взаиморасположение курганов) и внутрикурганная планиграфия в погребальных памятниках срубной культуры Южного Средневолжья // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара. С. 143–170.

Крамарев А. И. 2015. Некерамический инвентарь в погребальных памятниках срубной культуры Южного Средневолжья // Вопросы археологии Поволжья. Самара. Вып. 5. С. 336–397.

Spyrou M. A., Tukhbatova R. I., Wang C.-C., Andrades A. V., Lankapalli A. K., Kondrashin V. V., Tsybin V. A., Khokhlov A., Kühnert D., Herbig A., Bos K. I., Krause J. 2018. Analysis of 3800-year-old Yersinia pestis genomes suggests Bronze Age origin for bubonic plague. In: Nature, 9. 08 June 2018. <https://doi.org/10.1038/s41467-018-04550-9>

NEW MATERIALS OF THE LATE BRONZE AGE FROM EXCAVATIONS OF BARROW GROUNDS IN THE SAMARA REGION

Vitaliy V. Kondrashin*, Natal'ya V. Ivanova*, Anton A. Shalapinin*, Viktor A. Tsibin**, Dmitriy V. Kormilitsyn**, Valeriy N. Shigarev**

* LLC "GEFEST", Samara, Russia; ** "Naslediye", Samara, Russia

Keywords: Late Bronze Age, Srubnaya (Timber-Grave) archaeological culture, kurgan burial grounds, barrow, Volga region.

The paper considers the results of excavations in 2015–2018 in Samara region. There were investigated 12 mounds at five burial grounds (179 burials). These sites are defined as the Srubnaya archaeological

culture and the 'Pokrovsk' cultural type. The authors describe the planigraphic characteristics of the mounds, and the general moments of funerary rite and burial inventory.

ЧЕЛЮСТНО-ЛИЦЕВАЯ ПОДВЕСКА ИЗ ЖЕНСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА У СЕЛ. КАМЕНКА¹

Е. А. Крюкова

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-35-9-257-259

Ключевые слова: поздний бронзовый век, Оренбуржье, срубная культура, челюстно-лицевая подвеска, украшение, головной убор.

В 2016 г. в ходе аварийно-спасательных работ Оренбургской археологической экспедицией проведены раскопки курганного могильника у сел. Каменка, находящегося в Сорочинском р-не Оренбургской обл. (рис. 1, 1). Исследованы два кургана срубной культуры позднего бронзового века (Купцова и др. 2018). В погр. 1 кург. 2 была найдена уникальная для Оренбуржья челюстно-лицевая подвеска.

На дне могильной ямы погр. 1 на органической подстилке лежал скелет женщины 45–50 л. Она покоилась на левом боку, головой на С-СВ, в скорченном положении, кисти рук располагались перед лицом. Возле локтя левой руки погребенной лежал бронзовый нож и ребро молодой лошади, на левой и правой височных костях черепа были обнаружены две бронзовые подвески (рис. 1, 2). На черепе, челюсти и верхней части грудного отдела *in situ* лежала сложносоставная челюстно-лицевая подвеска (рис. 1, 3). Большая часть подвески была снята монолитом вместе с грунтом, что позволило в дальнейшем провести реставрационные работы (консервация и реконструкция выполнены Е. В. Куприяновой) (рис. 1, 5).

Украшение представляет собой сложный гарнитур в виде угловой конструкции, закрепляемой в районе висков на головном уборе и свободно свисающей к центру груди (рис. 1, 3, 4). Основой для угловой конструкции служили кожаные ленты. На ленты нашивали параллельные низки из нескольких чередующихся пастовых бусин и одиночных длинных бронзовых бусин, надетых на нити из сухожилий животных, и ряды бронзовых обойм, закрепленные на узкие кожаные полоски. Порядок чередования низок бусин и обойм на ленте (от внутреннего края к внешнему) — 1 ряд обойм, 4 низки бусин, 2 ряда обойм, либо — 1 ряд обойм, 2 низки бусин, 1 ряд обойм, 1 низка бусин, 2 ряда обойм (рис. 1, 4). Сверху на кожаные ленты с низками были нашиты семь плоских круглых блях с чеканным орнаментом. Расположение блях: самая крупная (диаметром 45 мм) находилась внизу, на стыке кожаных лент (в основании конструкции), по две средние бляхи (диаметром 36–42 мм) располагались на лентах, на расстоянии 5–7 см друг от друга, одна мелкая и одна фрагментированная бляха (диаметром 17–20 мм) — на концах подвески, крепящихся к головному убору в районе висков. Орнамент, выполненный чеканкой, повторяется только на двух бляхах, на остальных он индивидуален. Основной мотив орнамента — концентрические круги в различных сочетаниях, на одной бляхе изображена свастика (рис. 1, 4).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-40031, «Древности», «Межкультурное взаимодействие и специфика археологических культур Южного Приуралья от энеолита до средневековья: комплексный подход к изучению древней истории региона» и в рамках Госзадания Министерства науки и высшего образования РФ № 33.1389.2017/ПЧ «Историческая роль кочевников волжско-уральского региона на евразийском пространстве в эпохи от начала бронзового века до позднего средневековья (V тыс. до н. э. — XV в.)».